

Фрагменты ранних редакций*

Р. Г. Назиров

<Разговор Иоханана с Йешуа>¹

— Куда вы идёте, люди? — спросил иудей с копьём и со значением покосился на путешественника Аарона.

— Нам нужен Иоханан, сын Захарии, — ответил Йешуа.

Стражи шатра переглянулись, и араб высокомерно сказал:

— Ступайте прочь, *Наби* отдыхает.

Арабское «наби» означало то же самое, что еврейское «неби» — пророк.

— Ты ошибаешься, — сурово ответил ему Йешуа. — Пророк не отдыхает. Он ждёт нас и считает наши шаги.

Стражи заколебались. Тогда назорей сказал им:

— Ступайте к пророку и скажите ему, что три ворона прилетели от соли и что мы сами соль.

Галилеянин и араб вдвоём подошли к шатру, осторожно приподняли завесу входа и поговорили с кем-то внутри. Затем оба вернулись, кланяясь пришельцам.

— Вы сказали правду, добрые люди.

— Пророк ждёт вас.

И в это время из шатра вышел и распрямился огромный человек. Его силуэт издали был виден в слабых отблесках костров. Повсюду, увидев его, с земли поднимались люди.

— Радуйся, Иоханан! — сказал ему Йешуа.

Его спутники тоже приветствовали пророка. Он ответил на приветствия с величественной кротостью.

На нём была грубая одежда из верблюжьей шерсти — одежда бедняков; тело он был препоясан кожаным ремнём. Именно такую одежду, как знали все евреи, носил некогда великий пророк Илия Фесвитянин.

Симон Кананит вспомнил слова Писания об Илие: «И вороны приносили ему хлеб и мясо поутру и хлеб и мясо повечеру, а из потока он пил». ~~Так вот почему Йешуа велел передать пророку, что...~~²

Симон, один из храбрейших людей в Галилее, сунул руку за пазуху и крепко сжал висевший у него на шее *баарас* — огненного цвета корешок, отгонявший духов.

— Войдите с миром, гости! — раздался могучий голос. — А ты, зелот, перестань цепляться за свой амулет: он не более как детская игрушка.

* Публикация подготовлена в рамках проекта РГНФ № 16–14–02008.

¹ Здесь и далее в треугольные скобки взяты названия фрагментов, данные нами. (Публ.)

² Зачеркнуто красной авторучкой.

Симон остолбенел.

Юный Иоханан с восхищением созерцал изумительное лицо своего соименника. Это лицо, прекрасное и страшно в одно и то же время, иссечённое страстью и скорбями, было окутано гривой чёрных волос, переходивших в длинную бороду. Глаза пророка сверкали нечеловеческой пронизательностью.

Он сам поднял завесу шатра и ввёл гостей внутрь. Здесь горела бедная глиняная лампа, и при её свете мальчик расставлял на чистой холстине скудное угощение.

Гости помолились вместе с пророком и преломили с ним хлеб. Волнение лишило их аппетита, но обычай требовал символического сотрапезования. Чаша холодной воды прошла по кругу, и затем гости вежливо потупились перед лицом Иоханана Пророка.

Наступила пауза.

— Я знал, что вы придёте, — сказал Иоханан Пророк. — Меня известил Ровоам, сын Леви. Хороша ли была дорога?

— Дорога была хорошо, пророк, — ответил Йешуа. — Нам пришлось сделать обход, чтобы повидаться с друзьями на берегу Геннисарета.

— Легко ли вы нашли меня?

— Это не так уж трудно.

— Разве люди в Галилее знают, где я стою с братством моим? — спросил Иоханан с театральным смирением.

— Лев стирает свои следы на песке хвостом, но чем стереть следы хвоста?

Огромный человек впервые слегка улыбнулся.

— Не встретились ли вам дурные люди?

— Сегодня, не доходя до колодца Элеазара, мы повстречали трёх сыновей Волчицы, на конях и с оружием.

— Кто они были?

— Два воина и декурион по имени Максим, человек с нечистым сердцем.

— Чего они ищут близ долины Иордана?

— Они как будто разыскивали Иону или его друзей, но я не верю этому.

Пророк кивнул.

— Ты прав, мудрый ессей. Иона уже взят; может быть, он сейчас умирает на кресте в городе тетрарха Антипы. Этот декурион рыщет на дорогах, ведущих ко мне, дабы узнать, что я делаю и много ли у меня силы.

— Мы побывали близ того города, — сказал Йешуа.

— Какие там новости?

— Пророк, Иезавель ищет твоей головы. Ахав готов уступить ей.

— Не посмеют, — ответил презрительно Иоханан. — Вокруг меня тьма людей, у нас много оружия. Что до декуриона Максима, то он и впрямь — самый грязный и паршивый из волков. Он причинил много зла в галилейских селениях, но срок его близок, и Охотник уже натянул тетиву.

— Да будет воля Господа.

— Воистину, — кивнул Иоханан. — Теперь хорошие вести.

— Пророк, ты знаешь, что мы — *люди Божией воли*, живём возле Мёртвого моря. Мы принесли тебе свиток с посланием старейшин из пещер Енгадди.

Йешуа обернулся к Иоханану Ессею, и тот достал спрятанный на груди пергаментный свиток. Он с почтением протянул его пророку.

Тот взял свиток, но не стал развязывать шнурка.

— В жилище моём мало света, — степенно сказал он, — да и письма говорят мало. Он немного подумал.

— Благо, что послание принёс ты, назорей, ибо вижу — ты разумен и златоречив. Сильно ли ты утомился с дороги?

— Я готов не спать ночь, — ответил Йешуа. — Но братья мои устали.

— Так отпустим их на покой, а ты сам перескажешь мне глаголы старейшин.

— Братья, — сказал Йешуа своим спутникам, — ступайте к стражам пророка и скоротайте с ними ночь. Не забудьте об утренней росе и укройте лицо, если ляжете спать.

— Ступайте, дети мои, — сказал пророк, — мои стражи примут вас с честью.

Йешуа и Иоханан остались одни. Несколько мгновений они молчали, ибо суета не подобает мужам, да и ночь только начиналась. Потом гость пророка медленно заговорил:

— Пророк, ты славен во всём Израиле. За тобою идёт народ. Община людей Божией воли молится Богу за твои дни.

— Люди Божией воли славны своею праведной жизнью, — и молитва их крепка перед Господом, — ответил Иоханан. — Я мало знаю их, но вести Ровоама были приятны моему сердцу. Однако продолжай.

— Пророк, в послании говорится о многих удивительных и страшных знаках, которые ниспослал нам Господь за последние годы.

Иоханан согласно кивнул своей львиной головой:

— Я тоже видел много знаков. Что же читают в них праведники Енгадди?

— Они говорят, что близок час гнева Божия.

— Истина! — твёрдо сказал Иоханан.

— Пророк, старейшины ессеев хотят знать твою волю и соединиться с тобою в единую силу.

— У меня нет иной воли, кроме Господней. Я всего лишь провозвестник Того, кто сто- крат сильнее меня. Что повелит Господь, то я и возвещаю народу верных, — со свирепой скромностью отвечал Иоханан. — А чего хотят праведники Енгадди?

— Избавить мир от вавилонской блудницы.

— Мессия избавит мир от неё. Примите от меня очищение водное в священном Иордане и следуйте за ступайте со мной. Во имя Грядущего за мною, я пойду на Тибериаду, и тогда Ахав с Иезавелью исчезнут, как летучая трава пустыни, которую носит ветер. Ибо такова воля Господа, я же послушный слуга, светильник ему предносящий.

— Поход на Тибериаду будет только началом, о пророк.

— Слова твои темны, ессей.

— Хватит ли нынешней силы против сыновей Волчицы? Волны в море сходятся и расходятся, народ наш скоро загорается, но и скоро гаснет. Ныне ярость и бой — завтра плач и скрежет зубовный. Жива ещё слава Маккавея, не смолкли песни о поднявшей копьё против сирийского слона. Однако нет ныне Царства! Сын Волчицы повелевает избранным народом из своего блудилища на острове Капрея, а в самом Иерусалиме Претория возвысилась паче Храма Господня.

— Тиберию семьдесят два года, — резко ответил пророк.

В его устах имя властителя полумира, произнесённое *открыто* вместо обычных иносказаний, прозвучало подобно удару бича. Казалось, даже огонёк лампы вздрогнул от страха.

— *Мене, тежел, фарес!* — процитировал Йешуа с вопросительной интонацией, в которой, однако, звучал тонкий оттенок мягкой иронии.

Иоханан нахмурился:

— Истинно говорю тебе, ессей, силы Тиберия истощены блудом и пожиранием излишней пищи. Дни его сочтены, дела его взвешены. . . Царству Волчицы скоро придёт конец! Вспомни, как Господь предал Валтасара в руки Кира. Вспомни, как парфяне выставили голову проклятого Красса на помосте игральща. *Царство Волчицы сокрушится силою с Востока.*

— Да будет так, — ответил Йешуа. — Однако поразмысли, пророк, и вспомни о том, как умер Юлий, как умер Октавиан. *Надёт Умрёт* Тиберий, но на престол его воссядет другой из той же волчьей породы. Смуты продлятся малое время, легионы Орла утишат все волнения и придут отомстить за падение Тибериады. Уповаешь ли ты на парфян? Что ж, они сразятся с латинянами, но пока весы будут колебаться — хочет ли Господь, чтобы оливы и смоковницы Галилеи стали песком и пеплом?

Иоханан побледнел и закрыл глаза.

Грудь его часто вздымалась и опускалась.

— Гость мой! — шёпотом заговорил он, но то был шёпот иерихонской трубы, — гость мой, никто ещё не смел так вопрошать меня.

Йешуа бросил на него странный взгляд.

— Гость мой! Ты говоришь, как сила. То ли написано в послании старейшин Енгадди?

— Пророк, в наших тайных писаниях сказано: «Все народы узнают Твою правду, и все племена Твою славу. Ибо Ты ввёл их в Свой достославный Завет рядом со всеми людьми Твоей воли и вместе с Твоими ангелами. . . »

— Подожди, гость мой! — пророк открыл глаза и приподнял свою руку, огромную и тяжёлую, как молот. — Сказанное тобою не написано в послании старейшин. Я слышу не их глаголы. Мне чудится *новый голос.*

— Ты слышишь новый голос, пророк Божий.

— Так поведай мне без утайки: куда ты держишь путь, гость мой? Какая звезда светит тебе во мраке?

— Пророк, от тебя ничего не скроется. Да я и не хотел ничего скрывать. . . Ты угадал, у меня свой путь, но старейшины ессеев слышали о нём из моих уст, и открыли свои писания, и уверовали в мою правду. Я прожил три года в Енгадди. В священной пещере я пил из золотой чаши посвящения вино виноградника Господня вместе с семьюдесятью четырьмя праведниками, и вкусил трёхдневный сон, и прошёл все испытания. Книги ессеев были открыты для меня, я восседал с праведными в их суде и совете. И всё же, скажу тебе прямо, в пещерах у Мёртвого моря я только гость, *как и повсюду*.

— А, так ты не ессей! Говори!

— Ты видел, пророк, с кем я пришёл к тебе? — неожиданно спросил Йешуа.

— Я видел их. Один из них — молодой ессей, мягкий, как тёплый хлеб из печи, но у него великая душа, он нужен будущему дню. Другой — галилейский zelot, крепкий, как скала и как железо его кинжала: он пригоден в опасной дороге, но кинжал может сломаться, когда он будет всего нужнее.

— Истинно говоришь ты, пророк, и я полагаюсь более на того, кто мягок, ибо он не ломается, и сила его крепче железа

— Да, я видел их, ты пришёл с ессеем и зелотом, и это достойно удивления.

— Скажу тебе и ещё, более дивное: среди моих друзей есть *мытарь*.

— Вот как! Ты не только соединил зелотов с ессеями, но ты допускаешь в свой круг даже предателей народа Божия?

— Он бросил свою мытницу и пошёл за мною. Теперь я послал его в город тетрарха Антипы, этот мытарь очень полезен для нас.

— Понимаю, — протяжно сказал пророк. — У меня тоже есть друзья верные в Тибериаде.

— Но знаешь ли, пророк: я принимаю к себе даже *перушим*, если они раскаются в неправедной жизни и прилепятся к добру.

— Даже и этих змей? — с отвращением воскликнул Иоханан. — Что же это такое, новое братство?

— Можно назвать это новым братством.

— Дают ли твои братья клятву?

— Мы никогда не клянёмся, ибо наше слово неживо.

— Значит, ты всё же ессей, — сказал Иоханан, всматриваясь в лицо своего собеседника.

— Это не только новое братство, пророк. *Это новый завет с Господом*.

Глаза пророка выкатились из орбит, и он начал медленно подниматься, словно незримая рука тянула его за волосы.

— Да как ты смеешь? — загремел Иоханан, потрясая руками.

Снаружи раздались восклицания, топот бегущих ног, лязг железа. Однако те, кто снаружи прислушивался в тревоге, всё же не посмели войти в шатёр без зова Иоханана.

Йешуа сидел всё так же неподвижно, устремив взор на огонёк лампы. Ни один мускул не дрогнул на его задумчивом лице.

Иоханана вышел из шатра, словно буря, и львиное рычание его прокатилось окрест:

— Негодяи Бездельники, вы дерзнули взяться за оружие!

— В ответ послышались сбивчивые оправдания.

— Не подходите к этому порогу ближе двадцати шагов!

— Да будет твоя воля, Наби.

Иоханан вернулся, отчасти излив свой гнев. Он снова сел напротив ессея и вперил в него свой пронзительный взгляд:

— Говори!

Два взгляда скрестились: один — как бушующее пламя пожара, другой — как пристальный свет звезды. Толстая жила вздулась и затрепетала на лбу Иоханана. Но звезда оказалась сильнее огня.

— Я чтут Закон, — тихо сказал Йешуа — но не так, как потомки Саддока и перушим; они постятся и молятся, согбенные под пятою кесаря. Я добавляю к Закону то, что нужно новым временам.

Он говорил всё тише, словно завораживая Иоханана пристальным светом нездешних своих глаз:

— Нужно, чтобы весь избранный народ уподобился ессеям в жизни праведной. Пора истине воскреснуть и выйти из её погребальной пещеры, пора грому греметь, потому что моё сердце полюбило тебя, глашатай Слова Божия.

— Ты говоришь непонятно. Люди Божией воли, ушедшие от мира и не владеющие ни землёй, ни очагами, — они любимы Господом, но им не дано одолеть вавилонскую блудницу! Как можно весь народ сделать ессеями? Или ты хочешь уподобить его ессеям только по внешнему облику?

— Нет, о нет, пророк Божий! Если все дети Израиля станут так же молиться и носить одежды из льна, то это будет одно лишь превращение внешнего образа. Я же хочу, чтобы все люди оставались сами собой, но прониклись *духом* ессеев, что хлеб сильнее железа?

— Говори далее, я провижу твои слова.

— Наше братство пока сохраняет тайну, но мы *уже не уходим от мира*. Мы странствуем по всей Галилее, на наших братских трапезах купец, соседствует с простым рыбаком, ессей пьёт из одной чаши с золотом, и раскаявшийся фарисей не гнушается мытарем, бывшим отверженцем веры. Все верные равны перед Богом Израиля, нет цены знатному роду, и нет чести тугой мошне, ибо легче протащить канат сквозь игольные уши, чем богатому войти в Царство Небесное.

— Воистину так! — сказал Иоханан, поражённый и покорённый помимо своей воли. — Наступает время соединения, и ты видишь далеко. Но много ли вас?

Йешуа на секунду задержался с ответом и ясно глянул в глаза пророка:

— Нет, нас пока ещё немного, но мы — *соль земли*. Тебе ли не знать, какова пища без соли?

— Ты прав, гость мой! — сказал Иоханан, в замешательстве теребя свою дикую бороду. — Волею Господа малое возрастет, а высокое умалится.

Он замолк, а затем наклонился поближе:

— Но ты ещё не сказал мне главного. Говори же, ради Господа Всевышнего, каков твой путь?

— У нас с тобою одна цель, о пророк. Старейшины Енгадди посадили меня наравне с собою, но нет во мне их благой тишины: не мир я принёс, а меч. Только время моё ещё не настало.

— Когда же оно настанет?

— Когда я соединю пустыню и море, Галилею, Иудею, Самарию, все колена народа Божия от Дана до Вирсавии. Что нам с тобою Тибериада? Мы пойдём на Иерусалим! Мы изгоним из Храма осквернителей его, неправедных жрецов, которые едят из рук всадников Понтия. Но этого мало, пророк!

— Вот как? Этого мало?

— Разумеется, — спокойно подтвердил Йешуа. — В Египте мне удалось...

— Ты бывал в Египте? — перебил Иоханан.

— Я долго жил в Египте, и мне удалось прочесть некоторые из тайных книг Тота. Не удивляйся этому, пророк, ибо нужно узнать даже и ложь, чтобы лучше отделить от неё правду. Я проник в тайны египетских жрецов, они не любят Сераписа и Юпитера. Я наблюдал пахарей Нильской долины — они изнывают под бременем Рима. Каппадокийцам, галатам, сирийцам надоело железное ярмо кесаря. У меня есть братья в земле Египетской, один из моих друзей ныне в Вавилоне или уже на обратном пути из него, мои друзья рассеяны по всей державе кесаря, и это нам на пользу. Ибо нельзя освободить Храма, доколе не поднимется весь Восток.

— Так разве ты не слыхал моих слов, — торжествующе воскликнул Иоханан, поднимая палец, — что царство Римское с Востока сокрушится?

— Нет, Иоханан, я говорю об ином. Ты уповаешь на приход Мессии с Востока, царя над всеми племенами за Двумя Реками? Снова — как те иноземцы, которые покарали гордыню Красса и злое его, причинённое Храму. Нет, пророк, я не ожидаю добра от персов и парфян. Я провижу иное — отпадение восточных земель державы кесаря, Египта, Сирии, Каппадокии и даже, может быть, Эллады, хотя эллины слишком породнились с сынами Волчицы. Однако они тоже не любят Рима и могут — хотя бы в части своей — пойти стезёю правды. Но что там эллины! Этого мало.

— И *этого* мало? — пробормотал Иоханан.

— Пророк, за морем есть земля Иберия, населённая сильными племенами. Они не раз бунтовали против Рима и пролили много римской крови. Если под храмом Юпитера шат-

нётся восточный камень, то и западная опора сломается. Пророк, царство кесаря сокрушится изнутри.

Иоханан прижал ладони к глазам.

— Я сплю и вижу сон! — сказал он.

— Напрасно ты так говоришь, о пророк! Ведь это не сон, а явь. Знай, что за полночными горами живут ещё далёкие народы, которые тоже приносят дань кесарю. У них нет своего Закона, они покрывают себя шкурами диких зверей и расписывают лица синей краской, словно аравитянки. Эти охотники покорились Юлию Кесарю только после ужасных кровопролитий, но ждут часа отмщения.

— Откуда ты знаешь обо всех этих народах?

— Я странствовал, о пророк: одно я увидел, другое услышал. Людей из тех народов, о которых я поведал тебе, мне доводилось видеть в цепях и ошейниках. Бог евреев укажет им путь истины, и они пойдут следом за евреями: тогда горе державе Римской!

— Так неужто ты хочешь поднять весь мир язычников.

— Поднять мир язычников, да послужат Единому Богу.

— Не может вовеки совершиться такое, — сказал Иоханан.

Однако голос его звучал неуверенно.

— Так будет, — ответил Йешуа. — Но для этого потребны любовь и долгое терпение. Дом кесарей стоит неправдой. Они грабят все народы, оскверняют храмы, опустошают житницы, отнимают то, чего не сеяли, чтобы тешиться гладиаторскими боями и умащать миррою вымена блудниц. Злая смерть написана на челе Рима. Но пусть она подойдёт к Риму неслышными шагами. Иоханан, избегай короткого гнева и мелких стычек. Береги праведную кровь, пророк!

Иоханан стиснул руками свою косматую голову; челюсти его внутри дымно шевелившейся бороды тяжело перемалывали слова:

— Неужели мне падить этих змей в палатах Тибериады?

— Возьми их, Иоханан, если на то будет воля Божия, но не спеши. Береги кровь избранного народа и дай наполниться до краёв чаше гнева Господня.

— Мысли мои мешаются, вестник Божий, — сказал Иоханан.

Огромным усилием воли он снова заставил себя взглянуть в глаза собеседнику. На миг ему показалось, что стенки шатра и огонёк лампы поплыли по кругу. Затем всё снова остановилось. И всё-таки что-то непостижимое произошло.

— Я околдован, — пробормотал пророк.

— Тебе ли, великий человек, верить в колдовство?

— Послушай! — неожиданно сказал Иоханан. — Я, кажется, слышал о тебе ранее. Не о тебе ли говорили, что ты исцеляешь бесноватых и даже воскрешаешь мёртвых?

На лицо Йешуа набежало облачко скуки.

— Исцелять бесноватых труднее всего, — ответил он с неохотой. — А воскрешение мёртвых... люди всегда остаются детьми и рассказывают детские сказки. Если Бог призвал

человека к себе, кто в силах отнять его у Бога и вернуть к земной жизни? Нет, пророк, дело не в этом.

— Так в чём же?

— Господь иногда по милости своей дарует человеку не одну, а две смерти.

— Ты называешь это милостью? Скорее это кара!

— Пророк, это не так. Если ты выловишь утопленника, с водяной травой в волосах и без дыхания, ты скажешь: «Он умер». Но можно повернуть его вниз лицом, поднять его ноги, надавить ладонью на живот, встряхнуть его, и тогда он изблюёт воду из уст и ноздрей, и чихнёт, и откроет глаза, и начнет дышать снова: ведь что это будет?

— Вторая жизнь.

— Истинно так. Кому Господь дарует две смерти, тому он дарует и две жизни. Но первая смерть не бывает полной. Тут жизнь и смерть качаются на весах судьбы, да вмешается помощь братской руки. Мне случалось видеть, как мнимую смерть несведущие люди принимали за полную, и оплакивали, и погребали, я же замечал, что чаши весов колеблются. . .

— И ты вмешивался?.. — прошептал Иоханан.

— Да, — смутно ответил Йешуа.

— Но ведь и на это должно быть изволение Господне!

— Воистину. Но помысли, пророк: если мне дано заметить на челе мнимого мертвеца чаяние второй жизни, то значит Господь избрал меня в помощники второму рождению. И тогда я, вспомагаемый тайною мудростью ессеев, пробуждаю не вполне усопших. Я исполнял угаданную волю Господа.

— Я не встречал ещё людей, подобный тебе, назорей.

— Иоханан, я прост, но слово моё нежливо.

— Они умолкли. Длинные пальцы врачевателя прикоснулись к могучей руке галилейского пророка.

— Ты ещё не дал мне ответа, пророк. Наступает век соединения, сказал ты мне. Каково же будет твоё решение?

— Ты примешь святое омовение в Иордане?

— Я и оба мои спутника. Это первое, что я хочу от тебя. Решай же и ты.

Огонёк безумия блеснул в глазах пророка:

- Разве ты не знаешь заранее моего ответа?

Казалось, Йешуа не слишком удивился. Грустным и невероятно тяжёлым взглядом он проник в душу Иоханана и, осторожно подбирая слова, ответил:

— Да, я знаю, как ты мне ответишь. Я знал твой ответ, ещё не выйдя из Енгадди.

Настала громоподобная пауза.

— Но ты должен сам произнести ответ, ибо такова воля Господа, и моё предзнание не избавляет тебя от бремени решения.

Плечи Иоханан обвисли, голова упала на грудь. Йешуа смотрел на него, не мигая. Кажалось, что на мгновение остановился тог Иордана и замер песок пустыни, перестав пересыпаться.

— Народ слушает меня, — понуро сказал Иоханан.

— *Сегодня ты Илия.*

— Народ слушает меня. Я могу многое. Что можешь ты?

— *Всё*, — застенчиво шепнул Йешуа.

Иоханан посмотрел на него и одними губами выразил своё согласие.

— Что ты говоришь, пророк? — переспросил Йешуа.

— Я говорю тебе: «Да».

Масло выгорело, и лампа угасла. В темноте двое галилейских вождей продолжали обсуждать безумнейший план мировой революции.

Конечно, он был неосуществим. Поэтому на протяжении последующих пяти веков он осуществился — *но только в общих чертах*. Как всегда в истории Земли.

Тактике зажигательной проповеди Йешуа противопоставил тактику глубинного проникновения. Незадолго до рассвета они выработали свой исторический компромисс.

Для отдыха осталось меньше трёх часов. Они вышли из шатра вдохнуть воздух ночи.

Стражи пророка и спутники Йешуа спали вповалку на земле, прижавшись друг к другу. Только араб с дротиком дремал сидя.

Услышав дыхание и шаги Иоханана и Йешуа, араб откинул с лица покрывало, осторожно протёр глаза и всмотрелся.

Те двое стояли рядом. Высокий силуэт пророка наклонял свою косматую голову к Другому, ловя его каждое слово. Арабу сделалось не по себе.

Однако всё было тихо. Араб снова опустил на лицо покрывало и задремал.

— Кстати, скажи мне, Йешуа Назорей, где твоя родина?

Гость обратил к пророку свои звёздные и тяжёлые глаза, полные тайной власти. Он казался чуточку смущённым, словно ему не хотелось отвечать. Но, будучи человеком правдивым, он всё же ответил — негромко и вскользь:

— Моя родина? Я родился в Вифлееме Давидовом.

Иоханан задрожал. У него ослабли колени.³

Вифлеем, город царя Давида.

Великое предсказание пророка Михея: *Мессия должен родиться в Вифлееме Давидовом.*

— Неужели это Ты? — без голоса закричал Иоханан, и кровь застучала в его висках.

Йешуа понял его свистящий шёпот. Он повёл взором по небу, слабо улыбнулся и начал отвечать, но Иоханан ничего не услышал, потому что от внезапного потрясения он на несколько секунд *лишился слуха*.

#

³Это предложение вписано в текст другой, черной авторучкой.

↑

убрать всякую разрядку,
и будет сильнее!

<Из разговора Йешуа с Иохананом>

1.

— Понимаю! — протяжно сказал пророк. — Ты собираешь новое братство?

— Я исцеляю больных и даю им советы, — скупо ответил Йешуа. — Мы думаем вместе.

Мы хотим облегчения ига на шее Израиля.

— Даёте ли вы клятву?

— Мы никогда не клянёмся, слово наше нелживо.

— Значит, ты всё же ессей.

— Я многому научился у них и советуюсь по-прежнему со старейшинами. Но люди Божией воли уходят от мира, и замыкаются в пещерах, и хранят великую Тайну спасения.

Я же иду в мир и ради мира.

— Благо тебе! — с недоверием сказал пророк.

Он вперил в Назаряя пронзительный взгляд.

— Что же ты несёшь миру?

Два взгляда встретились: один как бушующее пламя пожара, другой — как пристальный звёздный свет. Толстая жила вздулась на лбу Иоханана.

— *Милосердие*, — ответил Назарей.

Звезда оказалась сильнее огня.

— Я чту закон, — задумчиво сказал Йешуа, — но не так, как потомки Цадока. Знатные и сильные, они брезгают своим народом, ласкают греков и угождают старику, который погряз в блудилище надморском. Они терпят Орла над великими воротами Храма всеупотребляют имя Господа, а души их черны и заживо тленны. Ложь их одеяние.

— Воистину.

— Я чту закон, но добавляю к нему новое толкование. Нужно, чтобы весь народ уподобился ессеям в жизни праведной. Станем простыми, будем жить малым. Пусть ни у кого не станет денег на подати, и опустеет казна Иродов.

2⁴

— Ты странствуешь с ессеем и кананитом, это достойно удивления.

— Скажу тебе и более дивное: среди моих учеников есть и мытарь.

Иоханан помрачнел.

— Вот как! — язвительно сказал он. — Ты не только соединяешь ессеев с канаим, но допускаешь в свой круг и предателей народа Божия.

— Он бросил свою мытницу и раскаялся. Не стоит ли пред твоим шатром варвар с красными волосами? Это галат?

⁴Весь фрагмент в рукописи перечеркнут.

— Нет, он с Оловянных островов. Но он обрезался и принял Закон, и я допустил его к крещению водному.

— Так и мой мытарь обрёл правый путь. Он знает книги, он полезен для нас. Братия моя проста и некнижна.

<Проповедь Иоаханана>

...сквозь дыры его плаща. В своей проповеди Иоаханан сам сравнивал себя с рабом:

— За мною грядёт Тот, кому я не достоин отрезать ремень от обуви Его!

И он сыпал угрозами, как молниями. Он обличал мытарей (сборщиков податей) за их вымогательства, воинов за их насилия и нечестие, богатых фарисеев и знатных саддукеев за их лицемерие и жестокость к беднякам. Он грозил лицемерам наказанием, а жестоким — полным истреблением. Правда, он обещал прощение кающимся и допущение в Царство Небесное чистым и непорочным, но основной тон его проповеди оставался мрачным и уничтожающим. Называя саддукеев и фарисеев змеями и ехиднами, он предвещал их скорую гибель:

— Уже и секира при корне дерев лежит! И лопата уже в руке Его, и Он очистит гумно своё, и соберёт чистое зерно в житницу, а солому сожжёт огнём неугасимым!

— Грядет вершитель правосудия, истинный царь Израиля! Подобно Макквеям, он поднимет меч, прогонит язычников и покарает всех, виновных в нечестии!

Он вещал внезапное пришествие давно обетованного Мессии. Подобно зелотам, он представлял Мессию в образе воителя. Он изгонит язычников и нечестивцев, вступит в Иерусалим, восстановит Царство в мире и справедливости и вознесёт Израиль превыше всех народов Земли. И далее Иоаханан, вспоминая пророчества Исаяи, развёртывал перед замершей толпой иудейскую утопию «золотого века»:

— И почиет на Нём дух Господень, дух премудрости и разума, дух света и крепости, дух ведения и благочестия. Он будет судить бедных по правде и дела страдальцев земли решать по истине!.. Тогда волк будет жить вместе с ягнёнком, и барс будет лежать вместе с козлёнком; и телёнок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их. *Не будут делать зла и вреда на всей святой горе моей!*

Но светлая мечта Исаяи о счастье «грядущего времени» — только передышка в грозной проповеди. Снова слышатся раскаты грома, снова покаяние и приготовление к встрече, отвержение греха и обетование прощения, пламя пожирающее для одних и свет утешающий для других...

Затаив дыхание, народ прислушивался к тяжёлой поступи Мессии. Скорее подготовимся к Его пришествию раскаянием и очищением сердца! Проторим для Него пути и спрямим стези Ему, чтобы Он пришёл скорее!

Малка Машиах г, Царь-Помазанник! В переводе на койнэ это звучало «*басилевс христос*». Великая надежда евреев, но и великая гроза: ведь Он будет отбирать достойных для Царства. «Достоин ли я?» — задавался вопросом каждый.

И жутко гремело для слабых сердце заключительное слово Иоханан:

- Я крещу вас водою, а Он будет крестить вас огнём!

Увы, этому суждено было сбыться, хотя совсем и не так, как предполагал человеческий разум Предтечи.

Ибо у пророков ведь тоже обыкновенный человеческий разум — с его тесной логикой, бедной логикой, бедными экстраполяциями и удивительными ошибками, которые повторяются из века в век, ничему не научая. И житейски, и политически царь Соломон был мудрее Илии Фесвитянина.

Пророки сильны другим. Они нужны нам не ради их разума — ведь и наш собственный ум гарантирует нам достаточное количество ошибок.

Пророки драгоценны своим внелогическим мышлением в масштабах целых наций: из совокупного мышления масс и рождается пророческий дар — всемирноисторическая интуиция. Они тоже ошибаются, не меньше других людей, но ошибки их плодотворны.

Когда Иоханан закончил свою проповедь, толпа разошлась в возбуждении, шумно и многогласно повторяя его речения. Он же, в окружении большой группы людей, направился к своему шатру. Со всех сторон ему протягивали кто чашу свежей воды, кто чистый плат — утереть пот со лба. Он благодарил усталым, тихим голосом. Он вошёл в свой шатёр, пригласив с собою Иоханана Рыбака и Йешуа Назорея.

Но пророку не удалось отдохнуть и побеседовать с близкими. Сильный шум раздался от Иерихонской дороги, и в лагере поднялось волнение. Сотни людей схватились за оружие, в нестройном гуле часто повторялись слова «смерть» и «убить». Многие бежали к Иорданским Бродам.

В разговоре Йешуа с учёным

— Так ты полагаешь, хаки́м, что люди ждут больших перемен?

— Все народы, добрый странник, ожидают великих перемен, и арабы, и персы, и галаты, и египтяне. . . Не так давно проезжал через Иудею учёный грек из Афин, путешественник, ехавший из Вавилона в Александрию. Он привёз мне письма от моих вавилонских друзей и родственников, а сам рассказал мне о жизни афинян. И Афины, и вся Эллада тоскует, соскучась бедным прозябанием под пятой кесарей. Многие эллины вспоминают былую славу родных городов и желают иметь своих царей.

— Но греки бессильны: Эллада скоро состарилась душою, а Рим ещё молод и свиреп.

— В Риме тоже нет единой души и единой воли. Если бы ты знал, странник, сколь многие римляне ненавидят своего кесаря и желают ему погибели. Прежде автократия не водилась у римлян!

— По-твоему, даже и римляне чают перемен?

— Даже и римляне. Они тоже люди, и мы здесь на Востоке, не всегда умеем их понять.

— *Звездарь смотрит на звёзды, а упадёт в яму.*

Астроном добродушно засмеялся и ответил Иуде:

— Да, это правда. Так же и с пророками: никому не дано знать своего часа. Человек не может жить, зная час смерти. . .

Учёный спросил, читал ли Йешуа «Одиссею».

— Слышал в Александрии у одного грека. Очень забавно и местами трогательно.

— Что особенно нравится?

— Навсикая отпускает Одиссея и старый пёс узнаёт. . .

Погано с женихами. . .

и как отталкивал тень матери в Аиде. Но это жестокая правда жизни. Правда имеет право. . . Но она портит песнь. — ———

— Его нельзя купить ни золотом, ни женщинами, ни властью. Он свободён во всём.

— Нет, он раб.

— Раб — кого?

— Раб своей чистоты.

Арест Иоханана Предтечи

Специальный отряд захватил его благодаря неожиданному нападению, извещённый Иудой о благоприятном моменте. Заранее предупреждённый сирийский легат выделил гарнизону Тибериады значительные подкрепления.

Галилея закипела, взбудораженная вестью об аресте своего пророка. Но разрозненные волнения укрощались силой оружия, а к тому же арест Иоханана совпал со временем пахоты, и крестьяне не бросили сохи.

Антипа, получая отовсюду информацию о возбуждении народа, колебался и упрямылся. Однако Иродиада и её родн окружение, *используя все средства*, оказали сильнейший нажим на тетрарха, и он уступил. После двухмесячного заключения Иоханан был обезглавлен в пограничной крепости Махерон.

Через год властители Галилеи обнаружили, что славу Иоханана унаследовал бродячий врачеватель и проповедник Йешуа Назорей. Повсюду говорили, что незадолго до гибели Иоханан успел поклониться ему и объявить его Мессией.

Потомки царя Давида появлялись в Палестине не так уж редко, но с этим всё обстояло необычно. Популярность его была огромной, хотя никакой политической пропаганды он не вёл.

<Смерть Иоханана и начало проповеди Йешуа>

<Сильней>ший нажим на тетрарх, и он уступил После двухмесячного заключения Иоханан был обезглавлен в пограничной крепости Махерус.

Через год властители Галилеи обнаружили, что славу Иоханана унаследовал врачеватель и проповедник Йешуа из Назарета. О нём говорили, что незадолго до гибели Иоханан успел поклониться ему и объявить его Мессией.

Потомки царя Давида появлялись в Палестине не так уже редко, но с этим всё обстояло необычно. Популярность его была колоссальной, хотя никакой политической пропаганды он не вёл.